

ОРЕНБУРГСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 Д Е К А Б Р Я .

№ 23.

1905 Г О Д А .

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Русское духовенство въ изображеніи современныхъ беллетристовъ.

(Продолженіе).

Какъ-бы имѣя въ виду это обстоятельство русской жизни, Чеховъ сообразно съ нимъ технически построяетъ и свой рассказъ «Письмо». Рассказъ рѣзко дѣлится на двѣ половины. Въ первой, нами передано, о. Анастасій изображенъ авторомъ безъ единой самомайлѣйшей привлекательной черточки. Несчастный о. Анастасій въ этой половинѣ только живое воплощеніе одного порока. Имѣя въ виду, прежде всего, «тѣхъ людей, которые рады видѣть пьяныхъ священниковъ», авторъ и даетъ имъ художественно исполненный портретъ такого священника. Но въ тотъ самый моментъ, когда подобные люди приготовились смаковать свое дикое удовольствіе, авторъ обрываетъ первую половину рассказа и начинаетъ вторую, въ которой заглядываетъ въ душу пьянаго о. Анастасія и открываетъ въ ней такое достоинство, за которое и сами злорадствующие должны невольно преклониться передъ этимъ пьянымъ попомъ. Когда только, что о. Анастасій собрался было поки-

нуть своего благочиннаго, какъ слышались шаги и въ комнату вошелъ дьяконъ Любимовъ, сослуживецъ Орлова. У дьякона была своя бѣда. Онъ получилъ очень встревожившія его вѣсти о своемъ сынѣ, который по окончаніи университетскаго образованія, занималъ видное служебное положеніе въ губернскомъ городѣ. Оказалось, что сынъ дьякона вѣсть Великимъ постомъ индѣйку и живетъ гражданскимъ бракомъ съ какой-то мадамой. Вотъ эти-то два обстоятельства и заставили дьякона прибѣгать не во время къ благочинному, чтобы какъ-нибудь скорѣе спасти своего погибающаго сына. При этомъ дьяконъ рассчитывалъ на таланты, на помощь о. благочиннаго. И не ошибся: рѣшено было грѣшника обличить и вразумить письмомъ. Письмо составилъ о. благочинный, а родитель переписалъ его подъ диктовку благочиннаго. Письмо дышало гнѣвомъ, укоризной, такъ какъ авторъ его о. благочинный давно уже имѣлъ, что называется, зубъ противъ дьяконова сына Петра. «Петръ былъ ему не симпатиченъ вообще, какъ человѣкъ. Онъ помнилъ его еще мальчикомъ-гимназистомъ, вонмилъ отчетливо, потому что и тогда еще онъ казался ему ненормальнымъ. Петруша-гимназистъ стыдился помогать въ алгарѣ, обижался, когда говорили ему «ты» входя въ комнаты, не крестился и, что памятливе всего, любилъ много и горячо говорить, а, по мнѣнію о. Федора, многословіе дѣтямъ неприлично и вредно; кромѣ того, Петруша презрительно и критически относился къ рыбной ловлѣ, до которсй благочинный и дьяконъ были большіе охотники. Студентъ же Петръ вовсе не ходилъ въ церковь, спалъ до полудня, смотрѣлъ свысока на людей и съ какимъ-то особеннымъ задоромъ любилъ поднимать щекотливые, неразрѣшимые вопросы». По мѣрѣ того, какъ изъ бесѣды между о. благочиннымъ и дьякономъ выяснилась пытливая и скептическая натура дьяконскаго сына, о. Анастасій съ удовольствіемъ слушалъ, смѣялся, сіялъ, «точно радъ былъ, что на этомъ свѣтѣ и кромѣ него есть еще грѣшные люди». Слушая благочиннаго и дьякона, о. Анастасій вспоминалъ аналогичные моменты свободного мышленія и скепсиса изъ собственной жизни. Во отношеніи мышленія о. Анастасій былъ выше не только трезваго дьякона Любимова, но даже и самого почтеннаго о. благочиннаго. Та-

кія же преимущества высоты были и на сторонѣ его сердца, которое заключало въ себѣ гораздо больше пониманія, чѣмъ сердце благочиннаго и сердце дьякона-отца вмѣстѣ взятія.

О. Анастасій все время убѣждаетъ и проситъ дьякона не посылать письма сыну и простить его.

«Знаешь дьяконъ? Не посылай! — сказалъ Анастасій, наливая какъ бы въ забывчивости вгорую рюмку. Прости, Богъ съ нимъ! Я тебѣ... вамъ по совѣсти. Ежели отецъ родной его не проститъ, то ктожь его проститъ? Такъ и будетъ, значить, безъ прощенія жить? А ты, дьяконъ, разсуди: наказующіе и безъ тебя найдутся, а ты бы для родного сына милующихъ поискалъ! Я... я, братушка выпью... Последняя... Прямо такъ возьми и напиши ему: прощаю тебя, Петръ! Онъ пойме-етъ! Почу-увствуетъ! Я, братъ... я, дьяконъ, по себѣ это понимаю. Когда жилъ, какъ люди, и горя мнѣ было мало, а теперь, когда образъ и подобіе потерялъ только одного и хочу, чтобъ меня добрые люди простили. Да и то разсуди, не праведниковъ прощать надо, а грѣшниковъ. Для чего тебѣ старушку твою прещать, ежели она негрѣшная? Нѣтъ, ты такого прости, на котораго глядѣть жалко... да!»

И если не по формѣ, то по существу о. Анастасій достигъ своей цѣли: хотя дьяконъ и рѣшилъ послать написанное благочиннымъ письмо сыну, но зато такъ былъ поколебленъ убѣжденіемъ о. Анастасія, что «сѣлъ за столъ, улыбнулся» и прибавилъ отъ себя внизу письма нѣчто такое, чѣмъ «въ конецъ испортилъ строгое письмо». Такимъ образомъ благодаря о. Анастасію отецъ и сынъ останутся попрежнему любящими другъ друга, а не врагами.

Отсутствіе опредѣленнаго содержанія нашего духовенства всегда тяжело отзывалось на немъ и заставляло искать выходъ тѣмъ или другимъ путемъ изъ этого ненормальнаго положенія. Съ одной стороны призванное быть безкорыстнымъ, а съ другой обязанное быть и семейнымъ, духовенство никакъ иначе не можетъ примирить и совмѣстить этихъ двухъ требованій, какъ путемъ компромиссовъ. Выгодно, напримѣръ, по мѣстнымъ условіямъ заниматься земледѣліемъ, духовенство занимается имъ; выгоднѣе скотоводствомъ — духовенство занимается скотоводствомъ и т. д. Вотъ почему ничего нѣтъ удиви-

тельнаго и въ томъ обстоятельствѣ, что Чеховъ раскрываетъ передъ нами картину степи («Степь») и показываетъ, какъ на ея «протяженно-сложенномъ» пространствѣ мелькаетъ среди другихъ степныхъ фигуръ между прочимъ и фигура батюшки, о. Христофора Сирійскаго.

«Изъ уѣзднаго города Ч—й губерніи, раннимъ іюльскимъ утромъ выѣхала и съ громомъ покатила по почтовому тракту безрессорная ошарпанная бричка, одна изъ тѣхъ допотопныхъ бричекъ, на которыхъ ѣздить теперь на Руси только купеческіе приказчики, гурто вщики и небогатые священники».

«Въ бричкѣ сидѣло двое обывателей: купецъ Иванъ Ивановичъ Кузьмичевъ... и другой—отецъ Христофоръ Сирійскій, настоятель Николаевской церкви, маленькій, длинноволосый старичекъ, въ сѣромъ парусиновомъ кафтанѣ, въ широкополомъ цилиндрѣ и въ шитомъ, цвѣтномъ поясѣ. Первый о чемъ-то сосредоточенно думалъ и встряхивалъ головою, чтобы прогнать дремоту; на лицѣ его привычная дѣловая сухость боролась съ благодушіемъ человѣка, только-что простившагося съ родней и хорошо выпившаго; второй же влажными глазками удивленно глядѣлъ на міръ Божій и улыбался такъ широко, что казалось, улыбка захватывала даже поля цилиндра; лицо его было красно и имѣло озябшій видъ. Оба они, какъ Кузьминовъ, такъ и о. Христофоръ, ѣхали теперь продавать шерсть. Прощаясь съ домсчадцами, они только-что сытно закусили пышками со сметаной и, несмотря на раннее утро, выпили... Настроеніе духа у обоихъ было прекрасное».

Хотя у самого автора быть можетъ и не было цѣли сравнивать Кузьмичова съ о. Христофоромъ; быть можетъ, авторъ посадилъ эти двѣ особы въ одну бричку безъ всякой преднамѣренной цѣли и повезъ ихъ по степи продавать шерсть такъ же просто и естественно, какъ это дѣлается и въ самой жизни, тѣмъ не менѣе, это не лишаетъ насъ права сравнить этихъ двухъ спутниковъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ихъ къ жизни. И Кузьмичова, и о. Христофора гонитъ изъ дома и заставляетъ рыскать по степи одна и та же причина, одинъ и тотъ же жизненный законъ борьба за существованіе, стремленіе «зашибить,—какъ говорится, копѣйку», которую они добывали продажей шерсти. Погоня за наживой, неиз-

бѣжно накладываетъ на каждаго человѣка, къ какому-бы ни принадлежалъ онъ классу, свою особую печать. Человѣкъ на-живы по большей части становится эгоистичнымъ, сухимъ и черствымъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ есть свои степени отъ самыхъ низшихъ и до самыхъ высокихъ, переходящихъ въ страшную и уродливую страсть. Крайне интересно по этому сравнить, какъ же отразилась эта погоня за копѣйкой на двухъ нашихъ спутникахъ Кузьмичевъ—купца и Сирійскомъ священникѣ.

Даже при самомъ мимолетномъ, поверхностномъ взглядѣ на этихъ лицъ разница между ними рѣзко бросается въ глаза. Въ то время, какъ Кузьмичевъ только и знаетъ, что «думаетъ о шерсти и Варламовѣ»--богатомъ покупателѣ, о. Христофоръ остается совершенно спокойнымъ и даже благодушнымъ. Отъ заботы Кузьмичову не спится. Онъ встаетъ раньше и будить о. Христофора. «— О. Христофоръ, вставайте, пора!—заговорилъ онъ встревоженно.—Будетъ спать и такъ ужъ дѣло проспали! Дениска запрягай!»

О. Христофоръ проснулся съ такою же улыбкою, съ какою уснулъ... Лицо его отъ сна помялось, поморщилось и, казалось, стало вдвое меньше. Умывшись и одѣвшись, онъ не спѣша вытащилъ изъ кармана маленькій засаленный псалтирь и, стоя лицомъ къ востоку, началъ шопотомъ читать и креститься.

— О. Христофоръ! — сказала укоризненно Кузьмичевъ, — пора ѣхать, ужъ лошади готовы, а вы, ей-Богу...--Сейчасъ, сейчасъ...—забормоталъ о. Христофоръ. Каѳизмы почитать надо... Не читалъ еще нынче.

— Можно и послѣ съ каѳизмами.

— Иванъ Ивановичъ, на каждый день у меня положены... Нельзя.

— Богъ не взыскалъ бы.

Цѣлую четверть часа о. Христофоръ стоялъ неподвижно лицомъ къ востоку и шевелилъ губами, а Кузьмичевъ почти съ ненавистью глядѣлъ на него и нетерпѣливо пожималъ плечами. Особенно его сердило, когда о. Христофоръ послѣ каждой «славы» втягивалъ въ себя воздухъ, быстро крестился и намѣренно громко, чтобъ другіе крестились, говорилъ трижды:

— Аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава Тебѣ Боже! Наконецъ онъ улыбнулся, поглядѣлъ вверхъ на небо и, кладя псалтирь въ карманъ, сказалъ:

— «Fuiis»

Какъ бы ни была наивна подобная молитва о. Христофора, однако она не позволяетъ ему потонуть въ однихъ только интересахъ наживы. Быть можетъ и слабо, но всетаки она животворитъ его душу и предохраняетъ отъ очерствѣнія. Молитва о. Христофора въ той или иной степени, настраивала душу его на лучший ладъ сравнительно съ душой очерствѣвшаго купца Кузьмичева. Мы вовсе не думаемъ большую мягкость, большую гуманность и меньшую жадность къ наживѣ объяснять въ о. Христофорѣ только одною молитвою. Нѣтъ. Тутъ несомнѣнно было много другихъ жизненныхъ причинъ, о которыхъ мы можемъ и должны догадываться. Говоря о влияніи молитвы на о. Христофора, мы отводимъ ей только извѣстное и несомнѣнное значеніе.

Еще съ большею ясностью и опредѣленностью вырисовывается живость и преимущественная отзывчивость души о. Христофора, если мы сравнимъ его и Кузьмичова въ ихъ отношеніи къ третьему спутнику ихъ. Эгогъ третій пассажиръ былъ девятилѣтній мальчикъ, Егорушка, племянникъ Кузьмичова. По просьбѣ матери, дядя захватилъ Егорушку по пути и долженъ былъ опредѣлить въ гимназію. Вотъ въ отношеніи къ этому-то ребенку и сказывается разница между о. Христофоромъ и Кузьмичевымъ. Христофоръ хоть и совершенно чужой человѣкъ Егорушкѣ, но гораздо ближе и, такъ сказать роднѣ ему, чѣмъ настоящій дядя. У черстваго и поглощенного сбытомъ шерсти Кузьмичева не находится слова для тоскующаго племянника, между тѣмъ какъ о. Христофоръ находитъ много такого, о чемъ говорить подолгу съ ребенкомъ. И если рѣчь о. Христофора порой не понятна Егорушкѣ, то въ этомъ еще полбѣды. Когда Егорушка простудился дорогой и захворалъ, его родной дядюшка и на это обстоятельство мало вниманія обращаетъ и не знаетъ, чѣмъ помочь больному. Онъ только буркаетъ, что нехудо бы, дескать, больному дать хины, между тѣмъ какъ о. Христофоръ обнаруживаетъ самое дѣятельное и самое любовное отношеніе къ больному мальчи-

ку, какъ бы отнесся онъ по всей вѣроятности и къ своему родному сыну.

Въ то время, какъ Кузьмичевъ ложится спать, не думая о больномъ Егорушкѣ, о. Христофоръ пробуетъ все, извѣстныя ему средства, чтобы облегчить страданія больного мальчика.

— «Ломоносовъ (такъ звалъ Егорушку о. Христофоръ), ты спишь? Встань-ка! Я тебя масломъ съ уксусомъ смажу. Оно хорошо, ты только Бога призывай.

Егорушка быстро поднялся и сѣлъ. О. Христофоръ снялъ съ него сорочку и, пожимаясь, прерывисто дыша, какъ будто ему самому было щекотно, сталъ растирать Егорушкѣ грудь.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...—шепталъ онъ.—Ложись спиной кверху!.. Вотъ такъ. Завтра здоровъ будешь, только впередъ не согрѣшай...»

На утро Егорушка дѣйствительно всталъ здоровымъ. О. Христофоръ только что вернулся отъ обѣдни, принесъ съ собою зернистой икры; приказалъ подать самоваръ и снова сталъ ухаживать за мальчикомъ.—«Кушай,—сказалъ о. Христофоръ, намазывая икру на ломтикъ хлѣба и подавая Егорушкѣ.—Теперь кушай и гуляй, а настанетъ время, учиться будешь. Смотри же, учись со вниманіемъ и прилежаніемъ, чтобы толкъ былъ. Что наизусть надо, то учи наизусть, а гдѣ нужно рассказать своими словами внутренній смыслъ, не касаясь наружнаго, тамъ своими словами. И старайся такъ, чтобы все науки выучить». Много и долго въ этомъ родѣ философствуетъ старикъ съ младенцемъ. Много наивнаго и простодушнаго въ его мысляхъ, часто совершенно непонятныхъ ребенку, но, несмотря на это, Егорушка чувствуетъ себя гораздо лучше въ обществѣ этого старика. Подъ вліяніемъ его бесѣды онъ заглушаетъ свою тоску по матери, по домѣ. О. Христофоръ становится близкимъ и дорогимъ существомъ для Егорушки. Вотъ почему, когда настала послѣдняя минута ихъ разлуки «о. Христофоръ вздохнулъ и, не спѣша, благословилъ Егорушку.

— «Во имя Отца, и Сына, и Святаго духа... Учись,—сказалъ онъ.—Трудись, братъ... Ежели помру, поминай. Вотъ прими и отъ меня гривенничекъ... Егорушка поцѣловалъ ему

руку и заплакалъ. Что-то въ душѣ шепнуло ему, что ужъ онъ больше никогда не увидится съ этимъ старикомъ».

Изъ всего этого слѣдуетъ только то, что Чеховъ вовсе не имѣлъ тенденціи окрашивать наше духовенство тѣмъ или другимъ специфическимъ цвѣтомъ нравственныхъ недостатковъ, будто-бы присущихъ только одному этому сословію или же имѣющихъ среди него большее распространіе. Какъ относительно алкоголя онъ очень картинно рѣшилъ, что «всѣ хороши», такъ и теперь въ разсказѣ «Степь» онъ художественно выражаетъ ту мысль, что погоня за наживой вовсе не исключительно духовенству принадлежащее явленіе и что если подобнаго рода дѣятельность дѣлаетъ человѣка сухимъ, черствымъ и даже мертвымъ, то во всякомъ случаѣ опять-таки эта участь предназначена не спеціально для духовныхъ, а скорѣе для тѣхъ классовъ или лицъ, которые дальше стоятъ отъ интеллектуальныхъ интересовъ, чѣмъ наше духовенство, какъ на примѣръ, для купечества или для людей вродѣ Кузьмичева. Какъ бы ни были слабы интеллектуальные интересы среди нашего духовенства, все же они есть и исчезнуть имъ совершенно по жалуй и нельзя, въ силу особеннаго положенія этого класса. И въ этомъ его и спасеніе, и болѣе выгодное, преимущественное положеніе передъ другими классами. Это сознаетъ, хотя и по своему, о. Христофоръ. «—Я по-старинному обученъ, многое ужъ забылъ, да и то живу иначе, чѣмъ прочіе. И сравнивать даже нельзя. На примѣръ, гдѣ-нибудь въ большомъ обществѣ, за обѣдомъ ли, или въ собраніи скажешь что-нибудь по-латынски, или изъ исторіи, или философіи, а людямъ и пріятно, да и мнѣ самому пріятно... Такъ-то вотъ брать... Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Учись!».

Рѣзко расходится Кузьмичевъ съ о. Христофоромъ и во взглядѣ на науку. Въ то время какъ послѣдній всю дорогу твердитъ Егорушкѣ, чтобы онъ учился, Кузьмичевъ говоритъ такъ насчетъ науки:

— «Кому наука въ пользу, а у кого только умъ путается. Сестра-женщина не понимающая, норовитъ все по благородному и хочетъ, чтобы изъ Егорки ученый вышелъ, а того не понимаетъ, что я при своихъ занятіяхъ могъ бы Егорку на вѣкъ осчастливить. Я это къ тому вамъ объясняю, что

ежели всё пойдутъ въ ученые да въ благородные, тогда некому будетъ торговать и хлѣбъ сѣять. Всё съ голоду поумирають». Такимъ утилитарнымъ взглядомъ пропитанъ Кузьмичевъ. И счастье наше, что подобный взглядъ не имѣетъ господства въ жизни, иначе мы не имѣли бы многого очень цѣннаго, не имѣли бы и самаго Чехова, который вышелъ какъ разъ изъ той самой среды, къ которой принадлежалъ и Кузьмичевъ.

Переходимъ къ тѣмъ произведеніямъ Чехова, въ которыхъ онъ мимолетными штрихами характеризуетъ низшую братію духовную: дьяконовъ и дьячковъ.

Въ разсказѣ—«Дуэль» фигурируетъ довольно симпатичный, живой человѣкъ, дьяконъ Побѣдовъ. Онъ принятъ въ лучшемъ интеллигентномъ обществѣ и не только принятъ, но играетъ даже, такъ сказать, роковую роль. Когда между чиновникомъ Лаевскимъ и ученымъ естественникомъ Фонъ-Коренъ происходитъ дуэль, исходъ ея дьяконъ рѣшаетъ по-своему, по-духовному.

«Дуло пистолета, направленное прямо въ лицо, выраженіе ненависти и презрѣнія въ позѣ и во всей фигурѣ фонъ-Корена и это убійство, которое сейчасъ совершитъ порядочный человѣкъ среди бѣла дня въ присутствіи порядочныхъ людей, и эта тишина, и неизвѣстная сила, заставляющая Лаевского стоять, а не бѣжать—какъ все это таинственно, и непонятно, и страшно! Время, пока фонъ Коренъ прицѣливался, показалось Лаевскому длиннѣе ночи. Онъ умоляюще взглянулъ на секундантовъ; они не шевелились и были блѣдны. Кажется, даже запахло убійствомъ и смертью.

— «Я его сейчасъ убью»,—думалъ фонъ-Коренъ, прицѣливаясь въ лобъ и уже ощущая пальцемъ собачку.—«Да, конечно, убью»...

— «Онъ убьетъ его! послышался вдругъ отчаянный крикъ гдѣ-то очень близко».

«Тотчасъ же раздался выстрѣлъ. Увидѣвъ, что Лаевскій стоитъ на мѣстѣ, а не упалъ, всё посмотрѣли въ ту сторону, откуда послышался крикъ, и увидѣли дьякона. Онъ, блѣдный, съ мокрыми, прилипшими ко лбу и щекамъ волосами, весь мокрый и грязный, стоялъ на томъ берегу въ кукурузѣ, какъ-

то странно улыбался и махалъ мокрой шляпой... Немного погода, фонъ-Корень и дьяконъ сошлись около мостика. Дьяконъ былъ взволнованъ, тяжело дычалъ и избѣгалъ смотреть въ глаза. Ему было стыдно и за свой страхъ, и за свою грязную, мокрую одежду.

— «Мнѣ показалось, что вы хотѣли его убить... бормоталъ онъ.—Какъ это противно природѣ человѣческой! До какой степени это противоестественно!»

На вопросъ фонъ-Корена, какъ попалъ на мѣсто дуэли дьяконъ, послѣдній отвѣчаетъ:

— «Не спрашивайте, махнулъ рукой дьяконъ.—Нечистый попуталъ: иди да иди... Вотъ и пошелъ, и чуть въ кукурузѣ не померъ отъ страха... Но теперь, слава Богу, слава Богу...

Я весьма вами доволенъ бормоталъ дьяконъ. Смѣху-то, смѣху! А только я прошу васъ убѣдительно, никому не говорите, что я былъ тутъ, а то мнѣ, пожалуй влетитъ въ заговоръ отъ начальства. Скажутъ: дьяконъ секундантомъ былъ.»

— «Какъ это противно природѣ человѣческой! вздохнулъ дьяконъ.—Извините меня великодушно, но у васъ такое было лицо, что я думалъ, что вы непременно его убьете.»

— «У меня было сильное искушеніе прикончить этого мерзавца,—сказалъ фонъ-Корень,—но вы крикнули мнѣ подъ руку, и я промахнулся. Вы спасли его.»

Впослѣдствіи, когда между дуэлистами состоялось полное и трогательное примиреніе въ присутствіи того же діакона, онъ говоритъ такіа востороженные слова:

— «Какіе люди! — Боже мой, какіе люди! Воистину десница Божія насадила виноградъ сей! Господи! Одинъ побѣдилъ тысячи, а другой тьмы. Николай Васильичъ (фонъ-Корень), знаете, что сегодня вы побѣдили величайшаго изъ враговъ человѣческихъ—гордость!»

Фонъ-Корень сильно привязался къ дьякону и постоянно убѣждалъ его ѣхать съ нимъ въ новую научную экспедицію. Прощаясь съ дьякономъ, пожимая ему руку, фонъ-Корень говоритъ ему:

— «Спасибо вамъ за компанію и за хорошіе разговоры. Насчетъ экспедиціи подумайте.»

— «Да, Господи, хоть на край свѣта! засмѣялся дьяконъ.
— Развѣ я противъ?»

Фонъ-Корень, ученый человѣкъ, былъ съ желѣзной волей и прямымъ, открытымъ характеромъ. И только подобнаго рода людей могъ уважать и любить. Не сомнѣнно, онъ видѣлъ въ дьяконѣ всѣ тѣ черты, которыя необходимы были для достойнаго товарищества. Если дьяконъ и не ученымъ былъ если онъ и былъ ниже по своему развитію фонъ-Корена, тѣмъ не менѣе послѣдній нашелъ въ немъ не мало нравственныхъ достоинствъ, за которыя и полюбилъ его и не хотѣлъ разставаться съ нимъ въ своей жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Кровскій.